

После этого две сестры обменялись еще несколькими словами, но Жэнь Ифэй больше не обращал на них внимания. Он думал об этом решающем моменте сто лет назад.

Младшая сестра Хуа Ли была привезена сто лет назад.

Совпадение? Это было также время, когда первоначальный владелец был изгнан и вынужден уйти в уединение.

Он вспомнил короткую строчку о событиях столетней давности в своем резюме.

Выше была дата определенного года, который при переводе в григорианский календарь является таким-то и таким-то годом. Ниже было очень простое описание, изображающее, как младший брат Цин Хун приносит вино, и они вдвоем пьют, пока не опьянеют. Когда первоначальный владелец проснулся, он обнаружил, что три капли крови были украдены из его сердца, и в приступе ярости отправился на поиски Цин Хуна.

Больше об этом происшествии больше ничего не говорилось. В резюме просто говорилось, что эти двое поссорились, первоначальный владелец занялся совершенствованием за закрытыми дверями и что он только недавно вышел, получив приглашение на этот банкет.

«Если я свяжу лотосы-близнецов и цветов на ее голове...» Жэнь Ифэй прохаживался по комнате.

«Старший брат, ты не должен был приходить», — вспомнил он секретную голосовую передачу, которую ему в начале прислала старшая жена. После того, как они снова встретились, что она хотела ему сказать? Это как-то связано с тремя каплями крови, которые потерял первоначальный владелец? Что она хотела, чтобы первоначальный владелец предотвратил?

Ее тело было ярким, а ее головной убор был простым, что поначалу не очень сочеталось. Более того, она даже намеренно погладила бирюзовый цветок в волосах. Неужели это она пыталась тактично намекнуть ему на странность этого цветка?

Разве этот сад не очень похож на тычинку и пестик? Если это так, то светящиеся цветы будут пыльцой, которая летает вокруг. Если сад уподобить цветочной сердцевине, то двор ночью будет огромным цветком.

С тех пор, как он узнал, что сладкий аромат исходит от этих цветов, он был чрезвычайно осторожен с цветами, и теперь, когда он узнал, что эти сестры могут быть цветочными демонами, как он мог не придумать еще больше теорий?

Жэнь Ифэй чувствовал, что подходит очень близко к истине, она была просто отделена слоем бумаги. Однако он не знает, где была эта бумага.

Маленький воробей наклонил голову и не удержался и сделал еще два шага к двери.

«Кто здесь?»

Когда он уже собирался прислушаться внимательнее, вдруг раздался голос хозяина банкета. Жэнь Ифэй был поражен и подумал, что его иллюзия раскрылась.

Маленький воробей на секунду застыл. Затем он снова встряхнул перьями и наклонил голову.

Он увидел Цин Хуна, стоящего у подножия ступеней, и смотрящего на маленького воробья. Неизвестно, когда он прибыл.

Жэнь Ифэй подсознательно затаил дыхание, чтобы уменьшить ощущение существования. Этот человек может с подозрением относиться к маленькому воробью; его чувства были слишком острыми.

Цин Хун некоторое время наблюдал, но увидел только замороженного воробья, в этом не было ничего необычного, поэтому он подумал, что у него просто паранойя.

Однако его голос услышали две женщины в комнате, и дверь открылась. Первой вышла наложница Хуа Ли, за ней последовала первая жена.

Согласно нормам, Жэнь Ифэй думал, что избранная наложница выйдет кокетливо или что-то в этом роде, но он не ожидал, что они будут просто очень осторожно звать «мой господин», стараясь не наклоняться слишком близко. Что благоприятствовало наложницам и их благодетелям, так это явно подчиненным и их начальникам.

Что касается первой жены, то она даже не удостоила его взглядом. Она просто подняла ногу и ушла.

— Хуа Юй, — остановил ее Цин Хун, — больше не беспокой старшего брата.

Первая жена остановилась. Когда она повернулась спиной к Цин Хуну и наложнице, ее профиль поймал маленький воробей.

Жэнь Ифэй посмотрел сквозь глаза-бусинки воробья, он увидел, что она горько улыбнулась, прежде чем выражение ее лица снова стало жестким, и с оттенком насмешки сказала: «Цин Хун, ты можешь остановить меня, но можешь ли ты остановить другого человека?»

Жэнь Ифэй попытался угадать последовательность событий, как если бы он смотрел шоу: этот другой человек, она не могла иметь в виду десертного игрока, верно?

«У меня свои планы», — холодно ответил Цин Хун, а затем сказал Хуа Ли: «То же самое касается и тебя, не беспокойся ни о чем другом».

«Но...» Хуа Ли прикусила губу.

Когда не было посторонних, Цин Хун был холоден со своей "любимой" наложницей: «Никаких "но"».

«Но кто-то заметил...» - повторила наложница.

«Не волнуйся, - Цин Хун посмотрел в определенном

направлении, - через два дня у них больше не будет никаких подозрений».

Еще два дня?

Они действительно что-то планировали, Жэнь Ифэй был потрясен.

"ЧТО?!" Атака Цин Хуна была быстрее его слов.

Жэнь Ифэй ни на мгновение не смог контролировать свои эмоции и предупредил этих людей.

С менталитетом, что он скорее убьет неправильно, чем проболтается, Цин Хун прямо напал на маленького воробья.

Это было нехорошо, воробей был всего лишь иллюзией, сделанной из бумажного носителя и не обладающей боевой силой. Откуда у него хватило сил, чтобы сразиться с демоном лицом к лицу?

Маленький воробей взмахнул крыльями и поспешно попытался увернуться. Однако он не смог вовремя увернуться, и энергия меча прямо расколола его тело. Белая бумага медленно упала на землю.

В дальнем зале Жэнь Ифэй косвенно сопротивлялся атаке и выплюнул полный рот крови.

Кто-то на самом деле пробрался... какое-то время в Цянь Суй было очень тихо, только первая жена, уходя, рассмеялась.

Цин Хун наклонился и поднял лист белой бумаги. Бумага была запятнана небольшим

количеством крови, которая была ярко-красной и содержала немного чистой энергии.

Демоны здесь были более или менее испорчены грехами убийства, человек с такой чистой энергией..... он почувствовал запах крови и посмотрел в определенном направлении.

«Мой Господин, что это.....»

— Шшш, — Цин Хун приложил указательный палец к губам. Он скрутил окровавленную бумагу в руке и сунул оторванные куски в рукав: «Я разберусь с этим делом!»

Хуа Ли посмотрела на его действия и стиснула зубы: «Хэ Цзюнь появился вчера в саду и, кажется, у него уже есть некоторые подозрения. Это очень неблагоприятно для наших планов. Умоляю ваше превосходительство, поторопитесь с подготовкой, иначе сто лет планирования только... пропадут зря».

Цин Хун на мгновение задумался: «Расположите цветы и деревья. Сегодня мы устроим банкет по случаю любования цветами».

«Да. Милорд, эта наложница осмеливается просить разрешения на временный контроль над павильоном Тин Юнь. Если будут какие-то несчастные случаи, с ними можно легко справиться» — Хуа Ли склонила голову и уважительно сказала.

Временный контроль над павильоном Тин Юнь? Цин Хун ответил: «Только на эти два дня».

«Спасибо, мой Лорд», — Хуа Ли, склонившая голову, показала жесткую улыбку.

После того, как хозяин приказал это сделать, весь павильон Тин Юнь заработал как сложная машина.

Многим игрокам, которые бродили вокруг, были даны приказы: повара должны были приготовить множество изысканных блюд, а слуги должны были убрать сад, коридоры и даже некоторые отдаленные комнаты. Только служанкам оставалось еще развлекать гостей.

Самыми несчастными, наверное, были игроки, которым дали роли исполнителей и приказали хорошо развлекать гостей.

Эти несчастные дети могут быть не в состоянии выполнять свои задачи должным образом и, таким образом, будут заклеены как «небрежно относящиеся к своим обязанностям», в результате чего они станут ингредиентами для поваров. Либо так, либо они должны были неохотно позволять этим NPC есть тофу¹.

Игрок-танцор чуть не заплакал: «Правда ли, что у игроков нет прав человека?»

Что же касается охранников, то они получили приказ усилить патрулирование и оборону. Помимо толпы им приходилось обращать внимание даже на незначительных птиц и зверей.

«Кажется, кто-то каким-то образом проник в Зал Цянь Суй», — передавали сообщения игроки.

«Кто сделал это? Это место настолько строгое, что я даже несколько раз пытался узнать какие-то новости, и каждый раз безуспешно».

«Может быть, это кто-то из крупных шишек? Я слышал, что здесь много игроков высокого уровня».

Игроки уже почувствовали, что над ними нависла большая грозная туча. Даже игроки в соленую рыбу тоже почувствовали, что что-то не так.

«Может быть, это еще один инстанс на сотню игроков, который планировал уничтожить всех», — вздрогнули игроки, вспомнив предыдущий инстанс на сотню игроков, в котором не было выживших.

Чувство кризиса заставило игроков ускорить свои исследования, в то время как Цин Хун — тот, кто стал причиной всего этого — куда-то направлялся.

Резиденция, которую Цин Хун выбрал для Хэ Цзюня, находилась за пределами главного зала, окруженная только травой и деревьями, что делало это место очень тихим. С тех пор, как въехал Хэ Цзюнь, всем было приказано не пускать незваных гостей, не шуметь громко и не беспокоить человека внутри.

Если кого-то это беспокоило, то им нужно было только взглянуть на урок, преподанный старичку.

Но теперь сам Цин Хун спешил через это место. Он помахал служанкам, которые приветствовали его, и протянул руку, чтобы толкнуть дверь.

Мужчина, который медитировал в резиденции, медленно открыл глаза: «В чем дело?»

Цин Хун сделал паузу: «Старший брат?»

Другой человек сидел на длинном деревянном стуле, он был одет в белое, а его волосы были перевязаны только лентой.

Он сидел в несколько расслабленной позе; у него была скрещена одна нога, а другая естественно свисала, обнажая ступню цвета нефрита. Часть его черных волос разметалась по стулу и переплелась, а другие выбились наружу и свисали у его ног. Контраст между его голой

кожей и черными волосами только делал белый цвет лица более красивым и безупречным.

При этом такая сидячая поза не уменьшала сдержанной и самодисциплинированной ауры этого человека. Он явно был демоном, но в данный момент он больше походил на святого монаха, который с самого рождения никогда не ел мяса и не прикасался к бренной земле.

Дыхание Цин Хуна на мгновение остановилось, когда сложные эмоции перекатились в его горле. В конце концов он смог только крикнуть: «Старший брат».

Жэнь Ифэй слегка поднял глаза.

Все двери и окна в комнате были закрыты. Было темно, единственным источником света был теплый желтый свет, пробившийся сквозь щели. Длинные ресницы ловили свет и превращали его в крошечные ровные пятна, которые светились, как снег. Однако это только сделало взгляд более холодным и отстраненным.

Цин Хун был пронзен этим взглядом прямо в сердце — он словно был смертным, получившим случайный взгляд от великого бога.

В его глазах не было ни радости, ни печали, ни любви, ни ненависти.

У всех так было или только у него?

Бесчисленный клубок сложных эмоций Цин Хуна заставил его почувствовать неопишемую ненависть и забыть о своей первоначальной цели прихода в это место. Единственное, что он хотел сделать, это расспросить человека перед ним.

Но когда он шагнул вперед и встретил эти равнодушные глаза, Цин Хун не мог не сделать шаг назад и сказал с жалкой улыбкой: «Старший брат, ты действительно жесток».

Жесток?

Он был жесток. Уметь быстро срезать гнилые цветы, как же ему не быть жестоким?

В наши дни действительно трудно быть старшим братом. Вы должны нести ответственность не только за проблемы совершенствования своих младших братьев и сестер, но и за их эмоциональные проблемы.

Однако Цин Хун не сразу заподозрил его? Не зря он специально нашел такой ракурс для позирования.

Жэнь Ифэй меланхолично вздохнул. В то время как другие люди играли в игру, расшифровывая подсказки, он играл в игру, решая эмоциональные проблемы.

Он был одинокой собакой, так кто кого провоцировал?

«Кто-то ворвался в мою резиденцию», — Цин Хун посмотрел в глаза Жэнь Ифэя.

Жэнь Ифэй оглянулся, и на его лице было написано три слова: «Какое мое дело?»

Цин Хун задохнулся.

Однако он чувствовал, что с силой своего старшего брата он никогда его не обнаружит, поэтому вряд ли это был он.

— Тебе безразлично, даже если мне больно? Старший брат действительно такой жестокий?

Цин Хун использовал маленького воробья, чтобы создать что-то из ничего, и продолжал продавать страдания: «Можно считать, что я воспитан тобой, неужели нет ни капли старой привязанности?»

Было ли еще что-то подобное? Было ли на самом деле такое, что он лично поднимал другую сторону?

Жэнь Ифэй прослезился из-за Хэ Цзюня, он был слишком несчастен.

Когда он, наконец, показал выражение лица, отличное от безразличия, оно было самоуничтожительным, как будто он не мог оглянуться назад в прошлое: «Я устал, ты должен уйти».

Увидев выражение лица Жэнь Ифэя, Цин Хун смутился и пошел искать другую тему: «Старший брат придет сегодня вечером на любование цветами?»

«Нет, — прямо сказал Жэнь Ифэй, — верни мою кровь, и мы покончим с этим здесь».

Если ты сможешь мне пройти квест персонажа, то я буду хорошим, ты будешь хорошим, мы все будем хорошими.

Покончим здесь?

Выражение лица Цин Хуна заметно потемнело: «Ты хочешь бросить меня? Даже не думай об этом. Я ждал сто лет, значит, я могу ждать и тысячу лет. Между тобой и мной, мы никогда не

закончим здесь дело!»

«Это зависит от тебя», Жэнь Ифэй снова закрыл глаза.

Его безразличный и невежественный вид заставил сердце Цин Хуна заболеть, и он выпалил угрозу: «Старший брат, если ты не пойдешь, я боюсь, что у этого маленького демона, Да Пэна, будут небольшие проблемы».

Жэнь Ифэй открыл глаза, его взгляд прорезал собеседника, словно острые лезвия. «Ты смеешь?»

Цин Хун сделал еще один шаг назад: «Мы знаем друг друга столько лет, а ты... угрожаешь мне из-за него?»

Всегда равнодушный старший брат рассердился из-за другого демона? Нож вонзился прямо в сердце Цин Хуна. Он недоверчиво посмотрел на Жэнь Ифэя, его губы дважды вздрогнули, и он фактически сплюнул кровь.

1. 口口: chī dòu fu — позволять себе вольности с (женщиной) / дразнить сексуальными намеками / домогаться сексуального характера / использовать что-либо в своих интересах

<http://bllate.org/book/15647/1399007>